

«По мере углубления китайско-туркменских отношений, у Ашхабада появляются объективные опасения по поводу попадания в сильную зависимость от КНР. Учитывая это, туркменские власти принимают меры по диверсификации путей и списка покупателей своих энергоресурсов», – китаевед Руслан Изимов, специально для cabar.asia, раскрывает важные аспекты китайско-туркменского сотрудничества в контексте региональной обстановки в Центральной Азии.

Туркменистан наряду с Казахстаном стал одним из главных получателей китайских инвестиций из числа центральноазиатских республик. Благодаря усилению энергетических связей, а точнее поставкам туркменского газа в Китай в больших объемах, Поднебесная стала для Туркменистана главным торгово-экономическим партнером.

Сегодня наблюдается расширение присутствия китайского капитала в туркменской экономике. Вслед за инвестициями в энергетику, китайские компании стали принимать участие в финансировании проектов в несырьевых секторах.

По мере углубления китайско-туркменских отношений, у Ашхабада появляются объективные опасения по поводу попадания в сильную зависимость от КНР. Фактически, Туркменистан, так же как и граничащие с Китаем другие центральноазиатские страны, стал ощущать на себе мощное китайское влияние. Учитывая это, туркменские власти принимают меры по диверсификации путей и списка покупателей своих энергоресурсов. В частности, рассматриваются различные варианты экспорта туркменского газа в Европу и Южную Азию. Однако, принимаемые меры пока не дают должных результатов, а доля Китая в стратегической отрасли туркменской экономики продолжает расти.

Как в этой ситуации Ашхабад будет выстраивать свой дальнейший путь? Изменится ли туркменская политика нейтралитета в ближайшее время? Какие планы у Пекина по отношению к Туркменистану? Эти и другие не менее важные аспекты китайско-туркменского сотрудничества в контексте региональной обстановки в Центральной Азии рассматриваются в настоящей статье.

Базовый (газовый) интерес

Импорт туркменского газа Китаем является главной сферой двустороннего

сотрудничества. На данный момент функционируют 3 ветки газопровода «Туркменистан-Китай», а общий объем поставляемой по этой трубе в Китай газа достиг около 30 млрд. куб м в год. С начала эксплуатации газопровода было поставлено значительное количество природного газа. Так, к примеру, если к 31 августа 2013 г. Туркменистан поставил в КНР 60 млрд. 645 млн. м³, то, по состоянию на 19 мая 2016 г., суммарный объем поставленного из Туркменистана в Китай природного газа достиг 138,6 млрд. кубометров[1].

Несмотря на замедление темпов роста китайской экономики, увеличение потребления природного газа продолжает расти. Автор монографии «Natural Gas in China: a Regional Analysis», научный сотрудник Оксфордского института энергетических исследований Син Ли отмечает, что в ближайшие 5 лет объем достигнет 315 млрд. куб. м ежегодно[2]. Учитывая ограниченность внутренней добычи природного газа, китайские власти продолжают искать возможности для увеличения объемов импортируемого газа. В этом контексте, Пекин не скрывает, что в качестве главного партнера выделяет Туркменистан. Исходя из этого, еще в сентябре 2013 г. лидеры Китая и Туркменистана договорились о строительстве 4-й нитки – D. Однако в связи с изменением маршрута и участников трубопроводной артерии, реализация проекта откладывается. Изначально планировалось сдать 4-ю ветку газопровода к концу 2016-началу 2017 г. Однако, сегодня, в середине 2016 г. состояние реализации данного проекта выглядит следующим образом:

В Узбекистане последние официальные новости по данному проекту датируются апрелем текущего года. В сообщении Национальной холдинговой компании «Узбекнефтегаз» говорилось, что компания планирует к концу 2016 г. завершить разработку предварительного технико-экономического обоснования (ПТЭО) проекта строительства четвертой нитки газопровода «Узбекистан-Китай»[3]. То есть, к настоящему моменту ТЭО проекта еще не готово, не говоря уже о прокладке самой трубы. Известно, что самый короткий отрезок газопровода (*узбекский участок*) в 200 км оценили в 800 млн долларов. Но строительство газопровода так и не началось[4].

В Кыргызстане строительство участка так же откладывается. Как и в Узбекистане, строительство кыргызского участка должно было закончиться к концу текущего года. Но в мае т.г. министр экономики КР Арзыбек Кожошев заявил, что строительство газопровода Кыргызстан-Китай сдвигается на неопределенный срок[5]. Причем по словам кыргызских властей, стоимость реализации проекта вновь может увеличиться. Последние оценки строительства газопровода были на уровне 1,2 млрд. долл.

В отличие от соседей, **в Таджикистане** строительство газопровода было начато

практически в срок. Еще осенью 2014 г. CNPC и ОАО «Таджиктрансгаз» договорились и начали строительство. Как сообщают СМИ, на территории Таджикистана трасса будет идти из Узбекистана и проходить от Турсунзадевского района, Гиссара, Шахринава, через Рудаки, Вахдат, Файзабад, Нурабад, Раштский район, Таджикабад и Джиргиталь – до границы Кыргызстана, а из Кыргызстана она выйдет в город Кашгар (СУАР КНР). Однако проект не закончен и прокладка газопровода все еще находится на стадии реализации.

Как видно 4-я ветка, протяжённость которой составляет около 1000 км, не скоро будет построена. Видимо помимо объективных, этому есть и субъективные причины. Как бы там ни было, **ожидаемого ввода в строй новой ветки и увеличения объема экспортируемого в Китай газа к концу текущего началу следующего года не будет.** Это говорит о том, что и ожидаемого увеличения объемов газа также в ближайшее время не предвидится. Учитывая все указанные проблемы, некоторые специалисты задаются вопросом о целесообразности строительства четвертой ветки по уже проложенному, проверенному маршруту.

ТАПИ: серьезный конкурент?

Не менее серьезные препятствия на пути расширения «газового» сотрудничества Китая с Туркменистаном, по мнению китайских экспертов, создает стремление Ашхабада диверсифицировать список покупателей туркменского природного газа. В данном случае имеется в виду начало реализации проекта ТАПИ[6].

Несмотря на то, что строительство газопровода ТАПИ долгое время откладывалось, в конце 2015 г. все 4 участника официально подтвердили старт данного проекта. Однако от этого, основные препятствия, стоящие на пути проекта, не потеряли свою актуальность. Как известно, одним из наиболее крупных объективных факторов была и, по всей видимости, остается безопасность самого маршрута трубопровода. В связи с выводом и постепенным уменьшением американского военного влияния в Афганистане, вопрос обеспечения безопасности на маршруте газопровода не только не снимается, но и становится еще более актуальным.

Что касается субъективных факторов, тормозящих проект ТАПИ, то это, безусловно, позиции ведущих региональных игроков по отношению к нему. Как известно, Иран все еще не оставляет надежды построить альтернативную линию по транспортировке собственного газа в Пакистан. Этот проект имеет определенную привлекательность в глазах другого игрока – Китая. Строительство газопровода Иран-Пакистан, получившего название «Мир», открыло бы Китаю возможность наладить еще один

стабильный канал доставки углеводородов на свою территорию наземным путем. А при рассмотрении проекта ТАПИ Пекин, прежде всего, исходит из своих планов по импорту туркменского газа. Как известно, в связи со стартом строительства четвертой нитки газопровода Туркменистан-Китай пропускную способность планируется довести до 75-80 млрд кубометров уже к 2018 г. В этом контексте, новый проект и соответственно новое направление экспорта туркменского газа может существенно повлиять в перспективе на заполняемость трубопровода, а также что не маловажно, на обсуждение цен на голубое топливо.

Более того, Китай всячески стремится удержать доминирующее положение в списке импортеров туркменского газа. Да и в целом проект ТАПИ никак не вписывается в общую внешнеэкономическую стратегию Китая в Евразии. В частности, оценивая запуск ТАПИ, китайские эксперты открыто написали, что главным бенефициаром проекта являются США[7]. Именно Вашингтон больше всех заинтересован в ТАПИ, поскольку через реализацию данной инициативы США получают сразу несколько козырей:

С одной стороны, запуск ТАПИ усложняет реализацию проекта трубопровода Иран-Пакистан, тем самым Вашингтон блокирует возможности диверсификации экспорта иранского газа. Помимо этого, имелись планы по подключению к газопроводу Иран-Пакистан еще и Китая. Исходя из этого, США и лоббируемый ими ТАПИ бьет и по интересам Пекина.

С другой стороны, ТАПИ объективно создает конкуренцию проекту Китаю, и его планам наращивать объемы импорта туркменской нефти. Как пишут китайские аналитики, используя свои связи в Талибанах и афганской армии, США способны в будущем влиять на поставки с территории Афганистана, тем самым США будут иметь рычаги давления на Пакистан и Индию[8].

Другое дело, что главный поставщик и источник энергоносителей для обоих проектов Туркменистан вполне оправданно опасается растущей зависимости от Китая. В случае если Поднебесная станет единственным покупателем туркменского газа, то это может поставить Ашхабад в ситуацию, когда Пекин открыто будет диктовать ему условия и цены на туркменский газ[9].

Исходя из этого, вполне обосновано стремление туркменских властей как-то балансировать участие региональных держав в своем энергетическом секторе. В настоящее время туркменская сторона уже начала строительство туркменского участка ТАПИ протяженностью 214 километров до туркмено-афганской границы.

Транзитная привлекательность

Китайская сторона, исходя из тех же соображений диверсификации путей экспорта своей продукции и импорта углеводородов, проявляет особое внимание новым путям. В частности, имея всего два железнодорожных перехода через центральноазиатско-китайскую границу, Пекин никак не может реализовать весь имеющийся потенциал. Именно поэтому уже долгое время **обсуждается проект строительства железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан**. Но на данном направлении все еще не решены принципиальные вопросы. **А пока Китаю приходится надеяться только на имеющиеся железнодорожные контрольно-пропускные пункты на границе с Казахстаном**. Исходя из этого, в последнее время китайская сторона стала проявлять усиленное внимание железнодорожной ветке Казахстан-Туркменистан-Иран.

Китайская сторона использует разные форматы и площадки для того, чтобы использовать имеющуюся ветку для экспорта своих товаров на Персидский залив. В частности, в начале текущего года по железной дороге Китай - Казахстан - Туркменистан - Иран пущен тестовый рейс. Как сообщают туркменские СМИ, стартовав в конце января из промышленного центра Китайской Народной Республики, города Иу в восточной провинции Чжэцзян, железнодорожный состав преодолел расстояние до Казахстана в 4 тысячи 491 километр за 5 дней. Затем поезд за четыре дня пересек территорию Казахстана - это расстояние до границы с Туркменистаном составляет 3 тысячи 417 километров. Таким образом, общая протяженность маршрута Китай - Казахстан - Туркменистан - Иран составляет около 10 тысяч км, а время в пути - около двух недель, что в среднем в два раза быстрее, чем морским путем, на который уходит 25-30 суток[\[10\]](#).

Нейтралитет = безопасность?

Нейтралитет Туркменистана долгие годы обеспечивал стабильность в стране, по крайней мере, во внутривнутриполитическом аспекте. Меньшая подверженность внешнему влиянию не давала поводов для формирования в стране реальной оппозиции, чему способствовала относительная информационная независимость. Хотя, по мнению некоторых экспертов, в Туркменистане зреет внутренний сепаратизм. Часть региональной элиты недовольна действиями центральных властей. По мнению А. Князева, именно с добычей и экспортом газа в Марыйском вилайете связано недовольство местных жителей. Специалист отмечает, что в указанном районе наблюдается формирование определенных групп, способных выступить против власти[\[11\]](#).

Но внешнее воздействие на безопасность в условиях отсутствия конкретных договоренностей с какой-либо страной, может привести к непредсказуемым последствиям. В прошлом году на фоне активизации террористических групп на афганской границе, в Ашхабаде всерьез задумались о необходимости военного сотрудничества с внешними партнерами. Еще больше опасения туркменских властей подогревают деятельность таких международных террористических организаций как ДАИШ. Совсем недавно в Кабуле сторонники ДАИШ совершили крупный теракт, тем самым показав, что угроза от ДАИШ для Центральной Азии вполне реальная.

В этом плане, следует отметить, что в настоящее время Китай уже на разных уровнях предлагает свою помощь Туркменистану в вопросе обеспечения безопасности. В новом докладе «Желтая книга по Центральной Азии: доклад о развитии центральноазиатских стран 2016», опубликованном Институтом о России, Восточной Европы и Центральной Азии, ведущие китайские эксперты выделяют Туркменистан в качестве важного стратегического партнера в регионе[12]. Но вместе с тем, китайские аналитики отмечают, что в последнее время туркменская политика нейтралитета показала свои слабые стороны. Как пишут китайские специалисты, у Туркменистана слабая армия, которая не способна защитить свои южные границы. Тем самым китайская сторона демонстрирует свою обеспокоенность за свои инвестиции, особенно в сфере инфраструктурных проектов и так далее. Каким образом китайская сторона может обеспечивать безопасность объектов мы можем видеть на примере Афганистана, где территория Айнакского месторождения полностью контролируется и охраняется китайскими военными.

Между тем, по некоторым данным, туркменские власти уже закупают у Китая вооружение. На прошедших в прошлом году военных учениях в Туркменистане появились зенитно-ракетные комплексы китайского производства[13]. Китайское издание «Huanqiuwang» подтверждает факт продажи Туркменистану зенитно-ракетных комплексов китайского производства[14].

Но важно понимать, что в вопросе обеспечения безопасности в Туркменистане позиции России все же намного сильнее. И возможно именно здесь, в Туркменистане формула разделения труда между Россией и Китаем окажется успешной. Этому будут способствовать с одной стороны, сильные экономические позиции Китая в Туркменистане. Здесь Россия с КНР никак не может конкурировать на равных. С другой стороны, хоть и, не имея своей военной базы в Туркменистане, Россия здесь имеет стратегически важный рычаг в военном плане в виде Каспийской флотилии.

Soft power в действии

Китайский проект культурного влияния в Туркменистане оказался одним из наиболее успешных во всех странах региона. Несмотря на то, что здесь так и не был открыт Институт Конфуция, изучение китайского языка идет полным ходом.

С недавних пор власти Туркменистана приняли решение вводить изучение китайского языка в качестве иностранного в нескольких районах страны. Среди них, в настоящее время уже преподавание китайского языка идет в Балканском, Лебапском, Ахалском, Дашогузском и Марыйском, велаятах. Помимо этого, в настоящее время в вузах и школах Туркмении как иностранные преподаются английский, немецкий либо французский языки.[\[15\]](#)

Помимо этого, традиционно китайская сторона выделяет выгодные гранты на обучение туркменских школьников и студентов в китайских вузах. По данным от 2014 г. в Китае обучается около 1500 человек.

В Китае уже несколько лет функционирует Центр китайско-туркменских исследований[\[16\]](#). В свою очередь, показательным является то, что в Пекине серьезно подходят к сотрудничеству с Туркменистаном.

Выводы

Политическая система Туркменистана и политика нейтралитета оказывается «по душе» Китаю. Как следствие китайско-туркменские отношения имеют прочную основу в виде поддержки на самом высоком политическом уровне.

Дальнейшее углубление двусторонних связей обуславливается осуществлением нескольких крупных совместных проектов. Безусловно, стержнем китайско-туркменского сотрудничества на долгие годы будут «газовые связи». Китай сегодня уже стал главным импортером туркменского газа.

Потребление газа в Китае в ближайшие десятилетия однозначно будет увеличиваться. Согласно исследованию BMI Research, Китай будет наращивать потребление газа с 171 млрд куб. м в 2013 г. до 283 млрд куб. м к 2020 г. Причем, как показывают данные, Китай все больше покупает именно трубопроводный газ, делая ставку на сухопутные маршруты импорта углеводородов. Исходя из стратегии снижения зависимости от морских путей доставки энергоносителей, Китай будет все больше зависим от трубопроводного газа. В плане импорта природного газа Туркменистан вне конкуренции. Уже на сегодняшний день туркменское голубое топливо обеспечивает около 50% всего импорта газа Китаем. Именно этим обстоятельством объясняется

«ревность» Китая к попыткам Ашхабада диверсифицировать экспортные пути. Более того, даже во внутреннем рынке Туркменистана китайские компании стараются не допускать других инвесторов. Подтверждением сказанному может служить реакция китайской стороны на возможное привлечение японского капитала на разработку нефтегазовых месторождений (2013 год по итогам визита Г.Бердымухамедова в Японию). Тогда китайские власти смогли добиться своего. Однако следует отметить, что туркменские власти продолжают искать возможности привлечения других крупных держав. В частности, недавно туркменская сторона договорилась о привлечении японской компании для реализации проекта строительства 4-й ветки трубопровода в Китай[17].

Как бы там ни было, Туркменистан остается одним из наиболее важных приоритетов в центральноазиатской стратегии Китая. В соответствии с новой внешнеэкономической инициативой Пекина «Один пояс – один путь» Туркменистан является ключевым источником углеводородов на долгосрочную перспективу, а также является для Пекина важным транспортно-транзитным узлом, через который Китай хотел бы выходить на рынки Персидского залива.

Туркменские власти, в свою очередь, понимают, что Китай является наиболее надежным экономическим партнером, от потребностей и закупаемых им энергоносителей зависит экономическое развитие республики.

Предпринимаемые Ашхабадом в последнее время попытки расширить список энергетических партнеров пока не приносят ожидаемых результатов. В этой ситуации объективным представляется дальнейшее углубление китайско-туркменских связей в сырьевых и несырьевых секторах экономики, а также новых соглашений в военной и культурно-гуманитарной областях.

Использованная литература:

[1] Туркменистан поставил в Китай 138,6 млрд кубометров газа // <http://ca-news.org/news:1188772>

[2] NaturalGasInChina: A RegionalAnalysis// <http://caa-network.org/archives/6181>

[3] Узбекистан завершит ПТЭО 4-й нитки газопровода в Китай к концу года // <http://ru.sputniknews-uz.com/economy/20160416/2516660.html>

[4]Хитой-Ўзбекистон газ магистрали 4-тармоғи қурилиши қолдирилди //

<http://www.ozodlik.org/a/27831903.html>

[5]Срок строительства газопровода Кыргызстан - Китай сдвигается на неопределенное время // http://m.24kg.org/tsentralnaja_azija/32447_srok_stroitelstva_gazoprovoda_kyirgyizstan_-_kitay_sdvigaetsya_na_neopredelennoe_vremya/

[6] 专家讨论中国印度在中央亚洲的存在 (Эксперты обсуждают присутствие Китая и Индии в Центральной Азии) // <http://news.dahe.cn/2016/05-14/106853307.html>

[7] 塔里木盆地(статья про только что запущенный проект ТАПИ) // <http://sanwen8.cn/p/1f2eJMw.html>

[8] 塔里木盆地(статья про только что запущенный проект ТАПИ) // <http://sanwen8.cn/p/1f2eJMw.html>

[9] УТАПИческая идея. Заработает ли газопровод Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Иран через два месяца? // <http://stanradar.com/news/full/15213-utapicheskaja-ideja-zarabotaet-li-gazoprovod-turkmenistan-afganistan-pakistan-iran-cherez-dva-mesjatsa.html>

[10] В городе Ляньюньган состоялся транспортный диалог: «Туркменистан-Китай: <http://www.mfa.gov.tm/ru/news-ru/4348-2016-05-03-07-01-19>

[11] Китай рискует потерять Туркменистан. Что осталось за кулисами турне Си Цзиньпина в Центральную Азию? // <http://eurasia.expert/kitay-riskuet-poteryat-turkmenistan-turne-si-tszinpina-v-tsentralnoy-azii/>

[12] 中央亚洲国家积极融入“一带一路”概念 (Центральноазиатские страны активно интегрируются в китайскую концепцию «Один пояс - один путь») // <http://world.people.com.cn/n1/2016/0718/c1002-28563324.html>

[13] Китай поставил ЗРК HQ-9 в Туркменистан и Узбекистан // <http://www.chrono-tm.org/2015/01/kitay-postavil-zrk-hq-9-v-turkmenistan-i-uzbekistan/>

[14] HQ-9出现在中央亚洲 (HQ-9 появился в Центральной Азии - страны ЦА покупают китайское оборудование) // http://news.ifeng.com/a/20160405/48355054_0.shtml

[15] В Туркменистане идет подготовка школьных учителей японского и китайского

языков<http://www.turkmenistan.ru/ru/articles/41424.html>

[16] (Сайт китайского исследовательского центра по Туркменистану) // <http://www.tkmstcug.org/page.php?cid=8>

[17] // <http://futures.eastmoney.com/news/1514,20160709640395025.html>

Автор: Руслан Изимов, ведущий китаевед (Казахстан, Астана).

Мнение автора может не совпадать с позицией редакции cabar.asia

Если вы нашли ошибку, пожалуйста, выделите фрагмент текста и нажмите *Ctrl+Enter*.